

КНИГА О Б. ПАСТЕРНАКЕ И СЁСТРАХ ЦВЕТАЕВЫХ

(Айдинян С.А. «Воспоминания о Борисе Пастернаке» Анастасии Цветаевой, Марина Цветаева, А.М. Горький; Цветаева А.И. «Воспоминания о Борисе Пастернаке». – Москва: Серебряные нити, 2022. – 90 с.)

Рецензия на книгу, в которой впервые опубликованы «Воспоминания о Борисе Пастернаке» А.И. Цветаевой, представленные С.А. Айдиняном. Воспоминания свидетельствуют об А.И. Цветаевой как блестящем мастере мемуарного жанра, ценны для понимания личности и творчества Б.Л. Пастернака, истории эпохи и ярчайших фигур времени.

Станислав Артурович Айдинян (род. в 1958 г. в Москве) с 1984 по 1993 г. был литературным редактором и секретарём Анастасии Ивановны Цветаевой (1894-1993). Позднее он стал составителем, автором вступительных статей к её книгам. В рецензируемом издании Айдинян впервые опубликовал (по авторизованной машинописи) очерк А.И. Цветаевой «Воспоминания о Борисе Пастернаке», предварив его своим рассказом об истории написания; о взаимоотношениях Пастернака и Марины Цветаевой; о влюблённостях Пастернака (Ида Высоцкая, Елена Виноград) и его избранницах; о переписке Пастернака, Горького, А. Цветаевой; о возможности соотнесения трагической гибели М. Цветаевой и её перевода из лясского поэта Ондры Лысогорского «Баллада о кривой хате».

О Пастернаке А.И. Цветаеву просили написать друзья, и она писала, дописывала, отдавала рукописный текст в машинопись, снова правила. С Айдиняном она делалась, что Борис «ей не даётся»: «Как трудно писать о Пастернаке: он как вода уходит из рук...» (с. 17; написание оставляю в соответствии с книгой). К тому времени уже были готовы мемуарные очерки о Павле Антокольском, Иване Рукавишникове, Пантелеем Романове, Аделаиде и Евгении Герцкы, Мариэтте Шагинян, Ольге Руновой-Мешерской. Опубликованные в данной книге воспоминания А.И. Цветаева начала в Коктебеле, в Доме творчества Литфонда, в предотъездную ночь на 22 октября 1983 г., продолжила в поезде Феодосия – Москва. Она «только что переболела пневмонией» (с. 65), и, судя по качеству повествования, писалось великолепно. Ремарки в начале рассказа позволяют нам следить за процессом:

8 утра, тихо. Увы, зазелен будильник!.. Но спутницу не разбудил. Продолжу. Хоть немного ещё. Точнее – прерву то, начну другое (с. 66).

...Проехали Курск. До Москвы больше, чем восемь часов. Осень. Рано темнеет. Надо успеть хоть как-нибудь закончить, когда зажгут свет (неужели я всё по-старому думаю – «зажгут» памятуя, что свет – свечи и керосиновые лампы зажигали), когда он зажжётся, будет уже близиться Москва, начнут собирать разложенные вещи... Надо, пока можно, собрать себя (с. 69).

Мы имеем дело с *эссеистическими* воспоминаниями, и Цветаева акцентирует «моё чувство»: «Я пишу воспоминания о Борисе. И о моём чувстве видеть его в третий раз в новом для меня окружении» (с. 83). В этом плане любопытно сначала прочесть именно Цветаеву, а затем – Айдиняна, чтобы осознать, что и (предположительно) почему из рассказанного ему и другим Анастасия Ивановна оставила за текстом данных воспоминаний.

Как свидетельствует автор, впервые о Пастернаке она услышала от Марины в 1921 г. Встретились, когда Анастасии было 29, Пастернаку – 33. Она испытала восхищение, и его образ с тех был «прочен»: ей «уже хотелось его водворить на страницу» (с. 65). Они много общались в 1920-е, когда Пастернак жил близ Музея изящных искусств, где Анастасия работала в библиотеке музея. Арест Цветаевой в 1937 г. прервал общение, но не дружбу, не помощь Пастернака. Последний раз увиделись 29 июня 1959 г. в Москве. Анастасии Ивановне было 65. В следующий раз она придет в Переделкино 31 мая 1960 г. – проститься (Пастернак умер 30 мая).

Ассоциативный образ ярк и экспрессивен:

В комнату вбегают собаки, – скажем, ирландский сеттер. Свободный, счастливый бег тёплого радостного существа. Вмиг ко всем – всех – кого ткнуть носом, кого в нос лизнуть, доброй пастью затронуть, одного, другого – обнюхать, всех вместе – учуяв и полобив в сумасшедшей собачьей спешке... Так входил в те дни (60 лет назад) в помещенье, где люди – Борис. Всех вмиг восприняв, каждому радуясь, одного обняв, другому кивнув, третьему жвав руку, смеясь, продвигался по комнате. И как же было людям от Бориса огулнительно ново, качественно различно от того, что было в комнате до них – до собаки и до человека...

II, сразу, от предельно вольного «с размаху» собаки и человека вбегания — входа в комнату — в захлѐб застенчивости как у собаки — отвод морды от взгляда, в Борисе — отвод глаз, в миг замучась собственной простотой — о непростоту всех (с. 65-66).

А.И. Цветаева знала близких Борису Леонидовичу и запечатлела свои ощущения от каждой из его изданий. Начиная рассказ о первой жене Пастернака Евгении Лурье, автор отмечает, что тема эта нелѐгкая:

Знала ли я тогда, что она была художница, ученица, говорили, Фалька? В их доме я не видела её картин, ни кистей, ни мольберта. О живописи бесед не помню.

Сама Женя напоминала натуру Росетти, может быть и Боттичелли — довольно узкое личико, грациозной линией очерченное, переходившее в густоту, в тѐмную гушу кверху аккуратно зачѐсанных от ушей к вискам волос, волнистую и в полном порядке живую, венчавшую личико её чуть надменной короной, но не хочется так сказать, потому что это слово банально, а в Жене не было ни тени банальности, она вся была грациозно изысканна, не похожа ни на одну голову женскую из окружающих. Но и упорядоченно-строг, прихотлив был абрис этой головки и в густоте, поднятой над ушами и лбом, таилось своеволие, превосходство и — режущая тоска (с. 69).

Анастасия Ивановна даёт подробное описание «таинственности этой души» (с. 69), ибо с первой семьёй Пастернака она была связана много лет.

У Пастернака и Зинаиды Нейгауз она бывала реже и только до 1937 г. (до ареста). Запечатлѐнное в воспоминаниях ощущение — счастье:

II я была счастлива за Бориса. В его жизнь вошло то, что могло только стихами излиться. Мы знаем эти стихи. В них такое отдохновение, такой восторг обладания, такое упоение другим существом, такое в нём растворение в этой зрелой женственности, всё собою гасившей в этом зное возраста, властной победности каждого мига зининого дыхания, — а что делать с дыханием? Только вдохнуть его, удвоив своё, теряя и потеряв рассужденье. Что думать о добре и зле, когда ты счастлив, когда получаемое превосходит далеко ожидаемое, когда ты внутри шафа, и нет из него окон на мир, на — «вещь в себе», — которой вокруг всё подвластно... — вот что встретило меня на пороге в стоящей на нём Зине, улыгнувшейся мне как Кассандра, протянувшей мне руку — и я переступила этот новый Борисов порог... (с. 73)

22 года лагеря, ссылки они не виделись. В 1958 г. А.И. Цветаева (она жила тогда в Павлодаре у сына) получила письмо от Пастернака с упоминанием о той, кому он, по его словам, «бесконечно многим обязан в течение пятнадцати лет (с. 74). Там у неё, Ольги Всеволодовны Ивинской, они и встретились в Москве 29 июня 1959 г. (кроме них были Ариадна Эфрон, внучка Анастасии Маргарита Трухачѐва, приглашѐнная Анастасией Юдифь Каган и дочь Ольги Ирина):

Во все глаза смотрела я на Бориса и его подругу, помня его первую и вторую жену, его — с ними. Совсем другая картина была тут: не томление первого брака, не восторг второго — внезапно переменившейся судьбы, не прелесть девичества первой и не зной красоты — второй. Тут мы, приехавшие в этот его третий, такой долгий брак, заглянули в этот вечер моей встречи с ним — в нечто совсем иное: в давнее тесное общение жизней этих двух людей, знающих друг друга досконально. Тут была многолетняя сросшность (о которой он и писал мне за год до того), ч е л о в е ч е с к а я близость их (с. 81).

Осуждать Ивинскую Цветаева, умудрѐнная свидетельница 89 лет от роду, не хотела:

Мне думается, что каждый из нас должен бы, оценивая подобное, прежде всего внимательней отнестись к себе самому — так ли всё в нём, как должно... Меньше нужно заниматься разбором жизни других, их осуждая (с. 83).

Она, так много пережившая, воспринимала всё происходившее с бесконечно терпением и пониманием:

Я думаю, что жизнь Пастернака была мучением с утра до ночи, год за годом, с рождения по смерть. Непрестанные приливы его сил, их каскады. Его радостное, радующееся, восхищённое, восхищающее существо, и, одновременно, — сумеречность ежечасных мук недогадываемого понимания, что ты вполне одинок. Каскадами, как сказано, его любовь к каждому, его счастье общения, гениальная близость к человеку, упоение касания к сердцу, к душе, к мысли — разбивание себя о даль самого близкого, о вековечное своё одиночество. II всё поглощала стопудовая его задумчивость надо всем внутри и вокруг. II ещё — быть поэтом! II ещё сыном, братом, мужем, отцом, другом столько! (с. 66).

В статье Айдинян предоставляет ценные сведения из рассказанного ему Анастасией Ивановной — дорисовывает контекст происходившего. Любопытно наблюдать (и важно понимать), что осталось фоном — не вошло в данные воспоминания. Мы узнаем, например, о послании Пастернака в лагерь своего перевода шекспировского «Гамлета». А.И. Цветаева тогда «просмотрела на точность весь перевод» и, думается, во многом предварила замечания Пастернаку М.М. Морозова:

Где-то у меня даже есть эта книга. Она вся испещрена пометками, обозначающими места, которые Пастернак перепел неточно. Я ему об этом написала и всё замеченное в письме перечислила. Он ответил, что не стремился к абсолютной точности перевода, а хотел передать эпоху... Он прекрасно знал языки, но давал себе, как поэту, волю... (с. 6).

Сама А.И. Цветаева в 1937 г. задумала перевести на английский язык книгу стихов Лермонтова 1841 г. Перевела три стихотворения – потом был арест, лагерь, «кошмар кухонной работы – головой вниз, в котёл (я мыла котлы), рука у меня правая не разгибалась, висела...» (с. 7).

Цветаева запечатлела своё отношение к «Доктору Живаго» («Борис, у вас по страницам ходят бледные тени и говорят вашими словами!») и – «огорчение» Пастернака (с. 74); собственное ощущение, что никогда уже не сможет писать, и его ответ – «письмо *утешенья* – о том, что такое, по его опыту, процесс творчества...» (с. 74). Сбылось его предсказание, что «в своём наедине с собой творчество продолжится...». У сына в Павлодаре весной 1957 г. она начала первый том «Воспоминаний», «точно в первый раз взяв перо»:

Перо следует внутреннему приказу, а приказ идёт из тех сфер, где способностям человека сопутствует чьё-то доброжелательство, если только нет в человеке самоувлечения, (если самоувлечённость есть, тогда человек пропадает всё глубже с каждой строкой) (с. 75).

Прочитав начатое, Пастернак «читал и плакал», и в письме от 22 сентября 1958 г. восклицал: «Ася, душечка, bravo, bravo!», просил «писать так дальше: «Каким языком сердца всё это написано, как это дышит почти восстановленным жаром тех дней!» (с. 75).

Рассказал Айдинян и о предыстории тяжёлой для А.И. Цветаевой темы, поднятой в заключительной части воспоминаний и касающейся Горького, Пастернака, её и Марины: «... правда требует нелицеприятия. Мой долг рассказать – как было» (с. 86). Три страницы текста Анастасии Ивановны – восемнадцать страниц углубления в соответствующие проблемы Айдиняна. От него мы узнаем об обстоятельствах поездки А.И. Цветаевой и Бориса Зубакина в Сорренто к Горькому в 1927 г.; о раздражении Горького, сменившем его очарование Зубакиным; об увлечённости Горького А.И. Цветаевой и – разочаровании; о переписке и подводных течениях тех непростых отношений с Горьким и Пастернаком, о которых с такой болью, беря вину на себя, писала Анастасия Ивановна.

Искренняя благодарность С.А. Айдиняну за сохранение памяти. Приехав в Вологду в ноябре 2022 г., он поделился с собравшимися в литературной резиденции «Дом дяди Гиляя» тем, что видел и знал. Подготовленные им к печати «Воспоминания о Борисе Пастернаке» свидетельствуют об А.И. Цветаевой как блестящем мастере мемуарного жанра.